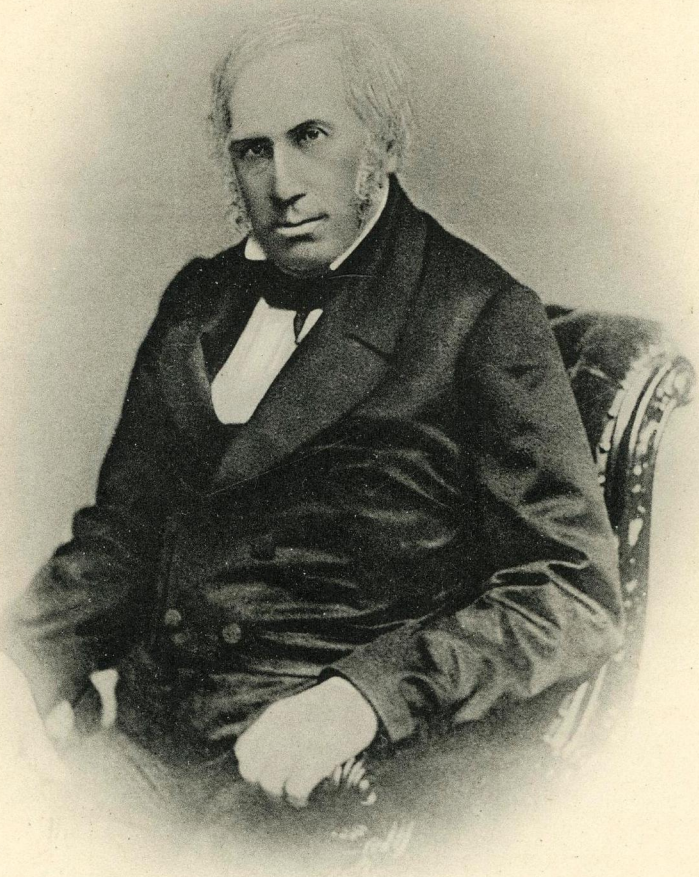

Септопечатъ С. В. Кульженко. Кіевъ.

Александръ Михайловичъ Марковичъ (1790 — 1865 г.).

Одинъ изъ пріятелей Гоголя.

(А. М. МАРКОВИЧЪ).

Вѣроятно, современемъ явится рядъ очерковъ тѣхъ „пріятелей“ и „друзей“ Гоголя, знакомство съ которыми могло такъ или иначе отражаться въ писательской его дѣятельности. Рядъ этихъ людей, повидимому, былъ не великъ, но онъ былъ. Однимъ изъ такихъ несомнѣнныхъ пріятелей Гоголя былъ Александръ Михайловичъ Марковичъ, довольно богатый Глуховской помѣщикъ, внукъ извѣстнаго Якова Марковича, оставившаго намъ драгоцѣнный свой дневникъ.

Гоголь познакомился съ А. М. М.—чемъ чрезъ одного изъ близкихъ своихъ друзей, А. М. Данилевскаго, который, будучи родственникомъ Марковича, жила въ деревнѣ у послѣдняго. Знакомство это относится къ концу сороковыхъ годовъ, какъ это можно заключить изъ самаго ранняго письма Гоголя къ Марковичу, отправленнаго въ іюлѣ 1849 года ¹⁾. Изъ этого письма ясно, что Гоголь видѣлъ въ А. М. М.—чѣ человека хорошо знакомаго съ народною жизнью Малороссіи и желалъ пользоваться этими знаніями для тѣхъ этнографическихъ свѣдѣній, которыя онъ постоянно собиралъ, наблюдая и изучая людей... Гоголь пишетъ: „Безпокою васъ слѣдующею убѣдительною просьбою: составьте для меня маленькій сельскій календарь годовыхъ работъ, какъ они производятся у васъ въ Чер-

¹⁾ См. „Неизданныя письма Н. В. Гоголя“, Древн. и Нов. Россія 1879 г., № 1, стр. 63.

ниговской губернии по днямъ, т. е. съ какого святого, какая начинается работа, какъ она и съ какими обрядами производится, и какія существуютъ по этому поводу народныя поговорки и замѣчанія, обратившіяся въ правила и руководства“... Просьба эта М—чемъ была исполнена потому, что въ слѣдующемъ письмѣ Гоголь благодарить его „за календарь“. Последнія двѣ записки Гоголя къ М—чу писаны, видимо, къ нему въ Москву, куда М—чъ очень часто наѣзжалъ. Обѣ эти записки относятся едва ли не къ послѣдному году жизни Гоголя.

Въ первой запискѣ Гоголь говоритъ: „я сижу больной и не могу видѣть многихъ, но васъ бы принялъ и съ удовольствіемъ побесѣдовалъ бы. Итакъ, не будете ли такъ добры, чтобы навѣстить больного, вамъ искренно преданнаго и васъ искренно любящаго“. — Въ другой запискѣ читаемъ: „если вы желаете видѣть рѣдкій музей русскихъ древностей и почти всѣхъ замѣчательныхъ Московскихъ литераторовъ и ученыхъ, то пріѣзжайте сегодня въ вечеру ко мнѣ и къ Погодину, который вамъ будетъ сердечно радъ“.

По содержанію этихъ записокъ можно думать, что Гоголь относится къ Марковичу съ тою теплотою, которой онъ вообще не расточалъ... Кто зналъ А. М. М—ча, тотъ не удивится этимъ особымъ отношеніямъ Гоголя къ своему земляку. Три качества рѣзко выдѣляли Марковича изъ среды его сосѣдей, помѣщиковъ-обывателей: *любовь къ ближнему*, интересъ къ общественной жизни и, наконецъ, близкое его знакомство съ родной стариной. Эти качества невольно влекли къ А. М. М—чу всѣхъ тѣхъ его земляковъ, которые не были окончательно погружены въ житейскую тину. Эти же качества М—ча несомнѣнно привлекали къ нему и Гоголя, который могъ видѣть въ немъ тотъ *положительный* типъ русскаго обывателя, исканіемъ котораго Гоголь былъ такъ занятъ въ послѣдніе годы своей писательской дѣятельности.

А. М. М—чъ учился сначала дома, т. е. собственно въ семьѣ своихъ сосѣдей Кочубеевъ, у которыхъ воспитаніемъ дѣтей въ это время завѣдывалъ какой-то „аббатъ“ Фроманъ. Затѣмъ М—чъ былъ отвезенъ въ Харьковъ, въ тамошнее „главное казенное училище“, гдѣ онъ пробылъ три года и этимъ закончилъ свое образованіе въ 1806 г., 16-ти лѣтъ отъ роду. Съ этого времени М—чъ завелъ себѣ записную книжку, отмѣтки въ которой отражали въ себѣ тогдашнее его міросозерцаніе и наклонности. Восемнадцати лѣтъ М—чъ записалъ въ

свою книжку, что „Вавилоняне, по словамъ Бероза, назначали особливыхъ пять дней въ году, въ теченіе которыхъ невольники заступали мѣсто господъ своихъ, имѣя право повелѣвать ими; *надобно бы возобновить этотъ древній обычай для нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ*“, добавляетъ М—чъ отъ себя. Черезъ годъ послѣ этого, въ 1809 году, М—чъ, записавъ о смерти помѣщика Д. И. Ширая, у котораго былъ театръ изъ крѣпостныхъ актеровъ, числомъ до 200, тутъ же замѣчаетъ, что хотя Ширай и отпустилъ передъ смертью этихъ актеровъ на волю, но „великимъ дѣломъ“ онъ, М—чъ, этого поступка назвать не можетъ, потому что „лишивъ родителей столькихъ дѣтей, развративъ болѣе ста дѣвокъ“, Ширай „сдѣлалъ предосудительное дѣло“. Тридцати лѣтъ отъ роду М—чъ, записавъ, что онъ прочелъ въ „Сынѣ Отечества“ „описаніе Гофейльскаго института для бѣдныхъ“ и замѣтивъ тутъ же, что онъ „считаетъ сіе заведеніе лучше и дешевле всѣхъ другихъ“, добавляетъ: „я *долженъ стараться сдѣлать въ своихъ деревняхъ что-нибудь подобное*“. И это не были одни только слова: у А. М. М—ча, въ его Сварковѣ, больница и училище, — не только для крестьянъ, но и для бѣдныхъ дворянъ — *процветали* въ крѣпостное время!

Исторію своей родины М—чъ изучалъ по дѣдовскому дневнику, десять фоліантовъ котораго онъ прочелъ *систематически* (отмѣчая на поляхъ рукописи важнѣйшіе факты), употребивъ для этого два года. Рядомъ, онъ перечиталъ и бумаги своего семейнаго архива, часть котораго тогда же (1824 г.) напечаталъ въ „Украинскомъ журналѣ“. Несомнѣнно, что изученіе драгоцѣннаго дѣдовскаго дневника дало М—чу такія знанія по бытовой исторіи Малороссіи, какихъ не было ни у Бант.-Каменскаго, ни у Мартоса (А. И.), тогдашнихъ малорусскихъ историковъ, перечислявшихъ въ своихъ исторіяхъ одни лишь важные походы и сраженія.

Бытовую жизнь своей родины А. М. М—чъ зналъ такъ хорошо, что можетъ быть только одинъ онъ и *возмущился* жестокой пародіей на этотъ бытъ, явившейся въ извѣстномъ водевилѣ кн. Шаховскаго „Казакъ-стихотворецъ“.

Общественная дѣятельность Марковича полно и рельефно выразилась въ шестилѣтіе его службы на важномъ посту губернскаго предводителя дворянства (1832—38 гг.). Въ это время онъ между прочимъ написалъ свою „Записку о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи“, по *архивнымъ бумагамъ*, при чемъ не обинуясь замѣтилъ, что „стро-

гая критика не может признать основательными“ многія и многія изъ „доказательствъ“, представленныхъ малороссійскими дворянами о древности своего происхожденія.

Выбранный на третье трехлѣтіе губернскимъ предводителемъ, Марковичъ не былъ утвержденъ государемъ. Намъ только недавно пришлось услышать отъ едва-ли не старѣйшаго изъ нынѣшнихъ Черниговскихъ дворянъ И. Т. Есимонтовскаго объясненіе этого факта. Дѣло въ томъ, что когда въ тридцатыхъ годахъ правительство рѣшило уничтожить въ Малороссіи дѣйствіе Литовскаго статута, то, желая сдѣлать это какъ можно мягче, оно приглашало губернскихъ предводителей—согласить своихъ дворянъ самимъ начать вопросъ объ этой отмѣнѣ... Такое предложеніе, сдѣланное тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ (кажется, Строгановымъ), Марковичъ отклонилъ, деликатно объяснивъ, что возбужденіе этого вопроса самимъ дворянствомъ равнялось-бы наложенію имъ рукъ на самого себя...

Послѣднимъ выдающимся актомъ общественной дѣятельности А. М. М—ча былъ его проектъ увольненія своихъ крестьянъ отъ крѣпости. Любопытный этотъ проектъ былъ имъ представленъ на утвержденіе высшаго правительства, но тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ „не счелъ себя въправѣ представить проектъ на высочайшее усмотрѣніе“, а сосѣдь Марковича Д. В. Кочубей, членъ государственнаго совѣта, писалъ ему по этому поводу, что „подобнаго рода предположенія не находятъ здѣсь (въ Спб.) сочувствія, потому что отъ нихъ страшатся вредныхъ послѣдствій“.

Важную службу несъ Марковичъ уже на склонѣ своихъ дней, въ „Черниговскомъ комитетѣ“ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“, оставаясь тутъ постоянно въ „меньшинствѣ“...

Вотъ обликъ А. М. Марковича ¹⁾. Несомнѣнно, что этотъ человѣкъ представляетъ собою очень рѣдкій для своего времени и для своей среды

¹⁾ См. Очеркъ литературной и общественной дѣятельности А. М. Марковича, составленный нами по его бумагамъ и напечатанный въ „Кіевской Старинѣ“ 1896 г. Въ этомъ очеркѣ читатель найдетъ поясненіе фактовъ, изложенныхъ здѣсь лишь вкратцѣ, чтобы не повторяться. Полагая, что черты А. М. М—ча заслуживаютъ увѣковѣченія, прилагаемъ къ настоящей статьѣ снимокъ съ его фотографическаго портрета сдѣланнаго незадолго до смерти.

положительный типъ, черты котораго не могли укрыться отъ наблюдательности Гоголя, отыскивавшего въ это время такіе типы для второй части „Мертвыхъ Душъ“. Воспользовался-ли Гоголь хотя какими-нибудь чертами для своей безсмертной „поэмы“ изъ нравственного облика Марковича, этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ впоследствии, при ближайшемъ изученіи „поэмы“.